

К.В. Харлампович

**Малороссийское влияние на великорусскую
церковную жизнь**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

К11 **К.В. Харлампович**
Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь: Том 1 / К.В. Харлампович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 972 с.

ISBN 978-5-517-97712-0

Содержание книги:

Период I (с середины XVI в. до 1654 г.):

Условия церковно-культурного влияния южной Руси на северную и носители его в XVI и первой половине XVII в.; Малороссы - деятели школьные и литературные (в этой главе недостает 8 страниц).

Период II (1653-1700):

Сношение Малороссии с Москвой по вопросу о церковно-административном подчинении московскому патриарху;

Носители церковно-культурного влияния южной России на северную во второй половине XVII ст.;

Малороссы - педагоги, проповедники, писатели и переводчики. Книжные их труды.

Период III (1700-1762):

Общие условия церковно-культурного воздействия Малороссии на Великороссию в первой половине XVIII ст.;

Архиереи-малороссы, малороссийский элемент в составе епархиального управления;

Монастырские настоятели и монахи-западнороссы;

Духовные школы и их педагоги-западнороссы;

Проповедники, экзаминаторы, законоучителя и учителя светских школ, домашние учителя, переводчики и справщики книг. Переход книг с юга на север;

Духовенство белое и придворное, военное и морское. Певчие и музыканты. Просители милостыни. Богомольцы;

Деятели миссии внутренней и внешней. Заграничное духовенство.

Репринтное издание с издания 1914 года. Язык русский (дореформенная орфография).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

съ сѣверноруссами“. Нечего и говорить, что малороссамъ ставится въ счетъ рѣзко-обличительный характеръ созданной ими полемической литературы противъ раскола. Фанатизмъ и ненависть съ одной стороны, пренебреженіе къ низшимъ классамъ народа съ другой, лезть и угодливость предъ высшими съ третьей, любовь къ роскоши съ четвертой, страсть къ діалектическимъ спорамъ съ пятой—вотъ что внесли въ великорусскую жизнь пионеры малорусской культуры въ XVII в. по представленію нѣкоторыхъ ученыхъ XIX ст. Въ области школьной малороссамъ ставятъ на видъ латинскій языкъ, мертвящую умъ схоластику, игравшую понятіями и отрѣшавшую мысль отъ реальной жизни съ ея дѣйствительными нуждами и интересами, суровость школьной дисциплины, доходившую порой до жестокости.

Наличность этихъ и подобныхъ обвиненій по адресу малороссовъ—церковныхъ дѣятелей XVII—XVIII ст., при отсутствіи въ литературѣ исчерпывающей вопросъ работы, является побужденіемъ къ предпринятому нами труду. Но первый томъ нашего изслѣдованія не отвѣчаетъ на данный заголовкомъ вопросъ во всемъ его объемѣ. Собранный матеріалъ потребовалъ отъ насъ раздѣленія труда на три тома, изъ которыхъ только послѣдній выяснитъ, что дали малороссы великороссамъ въ церковно-административномъ, миссіонерскомъ, догматическомъ, научномъ, педагогическомъ, богослужебномъ отношеніяхъ, какъ содѣйствовали общему религіозному, нравственному, умственному вліянію, что сдѣлали для развитія отдѣльныхъ отраслей богословской науки, для церковнаго искусства и быта и пр. и пр., и въ какой степени были благомъ или зломъ для Великороссіи всѣ тѣ стороны церковной культуры, которыя малороссы насаждали цѣлыхъ два столѣтія. Второй томъ представитъ перечень учебно-литературныхъ, печатныхъ и рукописныхъ, трудовъ тѣхъ малороссовъ, которые въ эти два вѣка работали на нивѣ великорусскаго просвѣщенія съ мыслию о духовныхъ нуждахъ и запросахъ великорусскаго племени. Имѣя и самостоятельное, библиографическое значеніе, этотъ томъ будетъ служебнымъ по отношенію къ третьему. Такой же характеръ имѣетъ и выпускаемый первый томъ. Онъ только готовится отвѣтъ на поставленный вопросъ, указывая всѣхъ тѣхъ лицъ юго- и западнорусскаго происхожденія, которыя въ XVI—XVIII в.в. работали на великорусскій народъ на разныхъ поприщахъ церковной дѣятельности. Но, выводя ихъ, такъ сказать, на генеральный смотръ, гдѣ они разставлены по категоріямъ, по мѣстамъ и роду службы, данный томъ имѣетъ, кажется, и самостоятельный интересъ. Въ немъ впервые въ наукѣ съ очевидностью открывается, какая масса церковныхъ дѣятелей перешла на сѣверъ Россіи въ теченіе двухъ столѣтій и какъ использованы были Москвой эти силы. Полагая, что каждый монахъ—выходецъ и каждый священникъ уже въ силу своего званія и сана являлся церковнымъ дѣятелемъ, хотя бы и не обладалъ школьнымъ образованіемъ, мы въ выпускаемомъ томѣ дали всю (или почти всю) сумму извѣстныхъ намъ свѣдѣній о таковыхъ выходцахъ: и малая въ смыслѣ культурнаго вліянія величины въ итогѣ должны

были оказывать болѣе или менѣе замѣтное воздѣйствіе на окружавших ихъ лицъ. Дорожа каждымъ случаемъ такого воздѣйствія болѣе культурнаго южнорусскаго духовенства и монашества на великорусское общество, мы удѣлили немало мѣста даже просителямъ милостыни, особенно въ XVII в. Каждый такой проситель представлялъ ниточку, изъ которой сплеталась сѣть, скрѣплявшая нравственные и церковно-религіозныя связи между обоими племенами, и въ то именно время, когда въ самой Малороссіи сильны были еще центробѣжныя церковныя и политическія стремленія. Каждый проситель, и самъ что-нибудь оставляя въ Москвѣ (святыню, книгу, идею, проявленіе религіознаго чувства), проникался и другихъ заражалъ благодарностью къ единоплеменной и единовѣрной державѣ, подготавливалъ сліяніе съ нею соплеменниковъ, сначала политическое, потомъ церковное, наконецъ нравственное. Вся же масса этихъ просителей, являвшихся представителями множества юго- и западнорусскихъ монастырей, показываетъ объемъ той территоріи, изъ разныхъ точекъ которой тянулись къ Москвѣ не только просящія руки, но и души, объединенныя мыслию о національномъ и религіозномъ единствѣ русскихъ племенъ. Наконецъ, мы, давая перечень этихъ просителей милостыни въ XVII в.,—имѣли въ виду интересы исторіи тѣхъ отдѣльныхъ монархій, откуда они появлялись,—исторіи, часто столь скудной данными за ту эпоху.

Рисуя общую картину церковныхъ отношеній малороссовъ и великороссовъ въ XVI—XVIII в.в., I-й томъ содержаніе свое сводитъ къ изображенію условій перехода въ Великороссію отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ церковныхъ дѣятелей и къ составленію точныхъ по возможности списковъ ихъ въ теченіе двухъ столѣтій.

Хронологическія рамки нашего изслѣдованія, обнимающаго время съ середины XVI ст. до воцаренія Екатерины великой (1762), обусловлены такими соображеніями. Хотя малороссійское племя, какъ особый этнографическій индивидуумъ, сложилось уже къ XIV ст., но до середины XVI ст. говорить о какомъ бы то ни было церковномъ вліяніи на великороссійское племя не приходится потому, что до того оба эти народа заняты были государственнымъ строительствомъ и отстаиваніемъ своей политической независимости отъ взаимныхъ посягательствъ на нее Польши-Литвы и Москвы. А затѣмъ до второй половины XVI ст. самая духовная культура малороссійская еще не поднялась до той высоты, когда бы она могла вліять на ниже стоящіе народы. Только когда явилась въ юго-западной Руси сѣть школъ и типографій, обнаружилось превосходство юга надъ сѣверомъ, а одновременно съ этимъ начавшееся усиленное введеніе уніи и политическія репрессіи противъ православныхъ русскихъ въ польско-литовскомъ государствѣ бросили въ московскіе предѣлы цѣлые ряды церковныхъ дѣятелей, начавшихъ тамъ культурную работу не только *за страхъ* предъ польскою властью, но и *за совѣсть*—по чувству благодарности и любви къ пріютившему ихъ новому отечеству. Выходы образованныхъ малороссовъ въ Москву, вольные и невольные, начались съ второй поло-

вины XVI ст., тогда же началась и просвѣтительная, на пользу всего русскаго народа, дѣятельность южноруссовъ и культурныя связи ихъ съ Москвой. Эти выходы и эта дѣятельность, совершалась ли она въ Москвѣ или въ Кіевѣ, продолжались, все усиливаясь, почти до вступленія на престолъ Екатерины II. Ея воцареніемъ мы и обрываемъ свое изслѣдованіе. Если уже въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, при которой церковное вліяніе малороссовъ въ Великороссіи достигло своего апогея, сдѣлана была попытка ограничить ихъ преобладаніе уравненіемъ съ ними великороссовъ въ правахъ на занятіе архіерейскихъ кафедръ и настоятельствъ въ виднѣйшихъ монастыряхъ (1754), то фактически указъ о томъ сталъ исполняться только съ Екатерины, въ первые годы правленія которой малороссы отодвинуты были на задній планъ на всѣхъ мѣстахъ и поприщахъ церковной и педагогической дѣятельности: и въ синодѣ, и на архіерейскихъ кафедрахъ, и въ монастыряхъ, и въ школахъ. При ней если нѣкоторые малороссы занимали выдающееся положеніе въ церковной іерархіи, то благодаря своимъ личнымъ дарованіямъ, а не въ силу принадлежности къ малороссійской національности. Если продолжали еще изрѣдка вызывать ученыхъ съ юга Россіи, то только въ видѣ рѣдкаго исключенія, по крайней нуждѣ, съ разрѣшенія каждый разъ св. синода, причемъ и эти рѣдкіе вызовы заставляли великороссовъ вздыхать и сѣтовать. Съ другой стороны, съ этого именно времени рѣзко усилилось обратное теченіе идей и вліяній, когда централизационныя стремленія русскаго правительства привели къ значительному сглаженію національныхъ и религіозныхъ отличій малороссовъ, когда духовная іерархія южнорусская, послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы въ Великороссіи провинившись особенностями великорусской церковной жизни и нивелирующими планами правительства, сама стала проводить эти планы у себя на родинѣ въ области богослужебной, школьной; когда и въ кіевской академіи и въ харьковскомъ коллегіумѣ введены были великорусскій языкъ, учебники, „краснорѣчіе російское“ и когда южнорусская интеллигенція начала писать по великорусски, умноживъ собою ряды дѣятелей великорусской литературы. Хотя этотъ порядокъ вещей былъ приготовленъ въ предшествующую эпоху, но онъ характеризуетъ именно вѣкъ Екатерины. Вотъ почему царствованіе Екатерины II мы считаемъ поворотной эпохой въ исторіи церковнаго вліянія малороссовъ на Великороссоію и вотъ почему ея воцареніемъ ограничиваемъ рамки своей работы.

Раздѣленіе изслѣдованія на три періода опредѣляется измѣненіями отношеній между Малороссіей и Москвой и условій перехода въ послѣднюю церковныхъ дѣятелей съ юга. I-й періодъ охватываетъ время отъ начала церковно-культурнаго воздѣйствія малороссовъ на сѣверъ Россіи (середина XVI ст.) по 1654 г.—до присоединенія Малороссіи къ Москвѣ. II-ой—продолжается до 1700 г., до начала вызововъ малороссовъ на архіерейскія кафедры и подчиненія имъ московской академіи. III-й—съ 1700 г. до 1762 г. Отдѣльныя характеристики этихъ періодовъ и болѣе подробную мотивировку такого дѣленія читатель найдетъ въ началѣ ка-

VIII

ждаго періода, на страницахъ 3 и сл., 149 и сл., 459 и сл. Распределение матеріала внутри каждаго періода обусловлено характеромъ послѣдняго, но все-же центральное мѣсто, центральное отчасти по положенію, но болѣе по объему и значенію, занимаютъ въ изложеніи каждаго періода дѣятели духовнаго просвѣщенія, имѣвшіе возможность оказывать на великорусское общество самое сильное идейное вліяніе путемъ школы, проповѣди, книги... Но самой дѣятельности ихъ—педагогической, проповѣднической, учено-литературной—мы не обрисовываемъ здѣсь, оставляя эту сторону для слѣдующихъ томовъ. Если же сказали нѣсколько и даже довольно немало о писательскихъ трудахъ Еп. Славинецкаго и Снм. Полоцкаго, то только для того, чтобы выяснитъ на затронутыхъ этими пионерами московскаго просвѣщенія въ XVII в. темахъ духовныя нужды великорусскаго общества, степень удовлетворенія ихъ южноруссами и подготовку ими дальнѣйшихъ вызововъ кіевскихъ ученыхъ въ XVII и особенно въ XVIII ст.

Опредѣляя личный составъ церковныхъ и вообще культурныхъ дѣятелей южно-западнорусскаго происхожденія, работавшихъ на великороссійской нивѣ, мы пока не задавались цѣлью выяснитъ генезисъ, степень самостоятельности и качественную сторону малороссійской культуры. Обошли мы также молчаніемъ вопросы о происхожденіи самой малороссійской національности, объ отношеніи ея къ великорусской и бѣлорусской, объ антропологическомъ типѣ или даже типахъ малороссовъ. Эти спорные вопросы, по поводу которыхъ ученые—историки, филологи, этнографы—давно уже полемизируютъ и долго еще будутъ ломать перья, имѣютъ для насъ жгучій интересъ, но въ настоящемъ томѣ, посвященномъ не исторіи малороссійской культуры, а перечню ея дѣятелей въ Великороссіи въ ту эпоху, когда окончательно сложились и этнографическій типъ южнорусса и эта самая культура, мы считали возможнымъ ограничиться только нѣсколькими общими мыслями. Малороссы XVI—XVIII в. представляли единое этнографическое цѣлое, сложившееся на основѣ южнорусскихъ племенъ, съ нѣкоторой, точно не опредѣленной, примѣсью элементовъ тюркскихъ, „черкасскихъ“, отчасти бѣлорусскихъ и великорусскихъ, польскихъ, литовскихъ и другихъ. Племя это признавало само себя русскимъ, единокровнымъ и единовѣрнымъ съ населеніемъ московскаго государства, вмѣстѣ съ нимъ создавшимъ кіевское великое княжество. Мысль о нерусскомъ, неславянскомъ даже происхожденіи малороссовъ, о „хозарскомъ“ или другомъ, если иногда проявлялись у послѣднихъ, то на почвѣ политической, на почвѣ принадлежности къ разнымъ государственнымъ мірамъ, а также стремленія отстаивать свою политическую и церковную особность, когда значительная часть Малороссіи уже вошла въ составъ московскаго государства. Русскими малороссы чувствовали себя на пространствахъ отъ рр. Нарева, Припечи, Десны и Сейма на сѣверѣ до черноморскихъ степей на югѣ, и отъ Карпатовъ на западѣ до Дона на востокѣ. Пространства между Днѣпромъ и Дономъ заселились малороссами уже въ изучаемую нами эпоху. Потокъ малорус-

своей колонизации на север—в путивльскій уѣздъ и на востокъ отъ р. Днѣпра—подъ вліяніемъ социально-экономическихъ и религіозныхъ условий жизни въ Польшѣ, а затѣмъ военныхъ происшествій начался въ концѣ XVI ст. и продолжался въ теченіе всего XVII ст. и даже въ первыя десятилѣтія XVIII-го, захватывая какъ пустопорожнія земли, такъ и вошедшія уже въ границы московскаго государства и колонизируемыя тамошнимъ правительствомъ съ севера. Такъ заняты были Полтавщина и Черниговщина, харьковская, отчасти курская и воронежская губерніи и область войска донскаго. Здѣсь столкнулись двѣ народности и—эта мѣстность представляетъ богатый матеріалъ для изученія ихъ взаимныхъ отношеній и опредѣленія степени и силы вліянія народа на народъ, психологія, характера, быта одного племени на другое. Есть данныя думать, что тутъ, какъ и въ другихъ пунктахъ этнографической границы, превозмогала именно малороссійская народность, какъ болѣе культурная и болѣе стойкая, болѣе, если угодно, упрямая и косная. Воспринимая отъ великоросса его языкъ, малороссъ передавалъ ему свои пѣсни, свои обычаи, бытовые черты. Къ изученію этой стороны дѣла могли бы быть притянуты и тѣ мѣстности, куда еще въ XVII и XVIII в. переселялись сотнями и тысячами, добровольно и неволью, черкасы: въ нынѣшнихъ тамбовской и пензенской, нижегородской, симбирской, саратовской и оренбургской губерніяхъ и—въ Сибири, а также менѣе значительныя колоніи въ самой Москвѣ, въ Тулѣ, Коломнѣ и многихъ другихъ великорусскихъ городахъ, гдѣ ихъ попадались десятки и даже сотни (въ Казани въ 1626 г. было 220 чел.). Точно также можно было бы рассмотреть, какъ отразилось малорусское вліяніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ великороссы поселялись среди малороссовъ. Но это вопросъ еще болѣе сложный и трудный, еще менѣе разработанный и—второстепеннаго для насъ значенія. Для настоящаго изслѣдованія, имѣющаго дѣло не съ народными массами, а съ представителями южнорусскаго духовенства и монашества, важнѣе было установить ихъ принадлежность къ малорусской народности.

Опредѣленіе національности многихъ русскихъ дѣятелей XVII-XVIII ст. затруднительно часто потому, что не сохранилось данныхъ объ ихъ происхожденіи и что этнографическія показанія того времени отличаются полной спутанностью. Если и теперь интеллигентный человѣкъ не рѣдко западноросса *bona fide* признаетъ уроженцемъ Польши и полякомъ, то тѣмъ чаще это встрѣчалось въ ту эпоху, когда смѣшивались въ одно этнографическіе, политическіе и религіозные признаки. Термины *иноземецъ*, *черкасъ*, *малороссіянинъ*, *бѣлорусецъ*, *полякъ*, *литвинъ*, *литовскій человекъ*, *казакъ*, противопоставляясь слову *русскій*, между собой чаще отождествлялись, чѣмъ противопоставались, и иногда, въ той или иной комбинаціи, прилагались къ одному и тому же лицу. И это дѣлали не невѣжды, а тогдашніе чиновники и книжники. Чаще всего смѣшивались термины *литвинъ* и *бѣлорусецъ* ¹⁾, но иногда отождествлялись *бѣлорусецъ* съ *черка-*

¹⁾ Когда калужскій воевода увѣдомилъ о приѣздѣ старца густынскаго монастыря Некиги, „литвина изъ Польши съ Чернаго острова“, ему изъ Москвы отвѣчали: *писажь*

сомъ¹⁾, черкасѣ съ полякомъ²⁾). И нуженъ нѣкоторый навыкъ въ чтеніи документовъ и знакомство съ политическими, географическими и историческими отношеніями, чтобы расшифровать донесеніе путивльскихъ воеводъ о выходѣ на царское имя „литвина-бѣлорусца христіанскія вѣры, запорожца отставленнаго казака“³⁾. И подобное смѣшеніе допускали не только московскіе люди, даже вкусившіе кіевской учености, въ родѣ Порф. Сѣменникова⁴⁾, но и сами малороссы и образованные притомъ, какъ гетманъ Ив. Выговскій⁵⁾.

Раздѣленіе Малороссіи Днѣпромъ между Москвою и Польшею повело къ тому, что въ правобережныхъ малороссахъ стали прилагаться (даже лѣвобережными) эпитеты: „полякъ“, „польской націи“, „польской породы“, въ противоположность чистымъ „черкашенамъ“⁶⁾. Но эти термины имѣли смыслъ не этнографическій и даже не политическій, а скорѣе—географическій („малороссіянинъ... родиною польской націи“). Такъ выраженіе „польской націи“ прилагалось иногда къ старообрядцамъ, вышедшимъ изъ Польши, какъ „шведской націи“—къ раскольникамъ изъ Лифляндіи, „малороссійской природы“—къ родившимся въ Малороссіи⁷⁾. Точно также и выраженіе „сибирской націи“, примѣненное въ одномъ документѣ къ учителямъ тобольской семинаріи обозначало только русскихъ мѣстнаго происхожденія⁸⁾.

Когда нѣтъ въ документахъ обозначенія національности того или другого дѣятеля, показателемъ его происхожденія можетъ служить фамилія. Принято думать, что фамильныя окончанія *вичъ*, отчасти *скій* столь вѣрные признаки западнорусскаго происхожденія, какъ *овъ* и *инъ* безспорныя свидѣтельства великоруссизма. Но и здѣсь возможны ошибки, такъ какъ мы не только встрѣчаемъ первыя окончанія и у великороссовъ, но и *овъ* и *инъ* не рѣдки среди малороссовъ.

Съ фамиліями на *вичъ* или, точнѣе, съ отчествами (что въ данномъ случаѣ одно и то же) извѣстны въ XVII в. нѣкоторые ростовскіе митрополиты (Іона Сысоевичъ, Іосифъ Лазаревичъ⁹⁾, царскіе духовники (Андрей Савиновичъ, Меркурій Гавриловичъ и др.) и многіе московскіе священники. На надгробныхъ плитахъ московскихъ кладбищъ, даже отъ

ты о приходѣ „бѣлорусскаго старца“ изъ прилуцкаго густынскаго мон-ря (Бѣлгор. стола № 190, л. 261—4).

¹⁾ „Бѣлорусецъ черкашенинъ Тимоеей Трофимовъ сынъ сказался съ Бѣлой Руси съ Глузка“ (Р. II. Б. II. 638).

²⁾ А. М. Г. I, № 52. Ср. № 403: Алексѣй Боровой. „черкашенинъ запорожскій казакъ, что бывалъ полякомъ“.

³⁾ А. М. Г. I, № 424.

⁴⁾ Онъ писалъ однажды о двухъ бѣжавшихъ отъ него малороссахъ, которыхъ называлъ „черкасскихъ городовъ бѣлорусцами“ (Малор. дѣла 1667. № 16).

⁵⁾ А. Ю. и З. Р. X, ст. 132.

⁶⁾ Малор. дѣла 1701, № 30. Опис. синод. архива XVI. № 296.

⁷⁾ Лилеевъ. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ,—Кіев. стар. XXVI. 399.

⁸⁾ Синод. арх. 1791, № 391.

⁹⁾ Тамъ мы знаемъ и „блаженнаго младенца Іоанна Никифоровича, углицкаго новаго чудотворца“, и іерод. Тимоея Каменевича—Рвовскаго, и свящ-ка Андрея Яковлевича Константиновича.

XVIII в., сплошь и рядомъ мы читаемъ только имена и отчества такихъ іереевъ, безъ фамилій, хотя послѣднія и были у нихъ ¹⁾. Вѣроятно, это превращеніе отчества въ фамильное прозвище, имѣвшее мѣсто въ Малороссіи ²⁾, совершилось въ Великороссіи не безъ вліянія малороссовъ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ происходило такое видоизмѣненіе отчества, что великорусскія фамиліи на *вичъ* въ XVIII в. стали походить на малорусскія: Данилевичъ, Григоровичъ, Маркевичъ ⁴⁾.

Еще чаще у великороссовъ фамиліи на *скій* и не только у князей, у которыхъ онѣ географическаго происхожденія (Одоевскій, Масальскій и т. д.), но и у людей другихъ сословій: Заборовскій, Козловскій, Вершинскій, Кулаковскій, Масловскій, Хвоинскій ⁵⁾. Понятно, что такія фамиліи не трудно смѣшать съ западнорусскими. Легко смѣшать и тогда, когда фамилія указываетъ на мѣсто происхожденія. До послѣдняго времени извѣстнаго Антонія Подольскаго, уроженца нынѣшняго города Подольска московской губ., нѣкоторые признавали малороссомъ изъ Каменца Подольскаго. Считали малороссомъ и архіеп. Павла Моравскаго (XVII в.), тогда какъ его фамилія объясняется тѣмъ, что онъ былъ игуменомъ „нижегородской губерніи, Воздвиженія Креста, что на Моравѣ“...

Великорусское духовенство въ XVII ст. или писалось по имени только (попъ Иванъ) или съ прибавленіемъ фамиліи, которая въ сущности являлась отчествомъ (попъ Иванъ Григорьевъ—тоже, что Григорьевъ сынъ). Хотя отдѣльныя лица имѣли прозвища, но съ ними не писались. И только въ первой половинѣ XVIII ст., когда появились школы съ сотнями учениковъ, сходныхъ часто именами и патронимическими фамиліями, пришлось отличать ихъ одинъ отъ другого особыми прозвищами. Громадное пятитомное дѣло синодальнаго архива 1737 г. № 32, содержащее списки семинаристовъ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ даетъ видѣть, что этотъ процессъ массоваго снабженія питомцевъ дух. школы, а слѣдовательно и духовенства, фамиліями начался и совершился около 1740 г. Но такъ какъ семинаристамъ давали фамильныя прозвища ихъ учителя — въ большинствѣ малороссы, то эти прозвища, почти всѣ на *скій*, повели къ еще большому затрудненію въ дѣлѣ различенія церков-

¹⁾ Епитафія надъ могилами *іереевъ Алексія Яковлевича и Зимовія Θεоктистовича* († 1695) гласятъ, что плита сооружена ихъ дѣтьми А. А. Волковымъ и П. З. Татариповымъ (Рус. арх. 1895, I: А. Мартыновъ, Надгробная летопись Москвы).

²⁾ Свят. Димитрій Тунгало (ростовскій) извѣстенъ болѣе съ фамиліей Савичъ (по отцу Саввѣ). М. Іоаннъ Василковскій (черниговскій и тобольскій) извѣстенъ по отцу Максиму, какъ Максимовичъ.

³⁾ Св. Димитрій Ростовскій въ одномъ письмѣ называлъ О. Полик. Поликарпова „господиномъ Поликарповичемъ“ (Д. Р. В. VI, 591). Не рѣдко извѣстный новгородскій учитель Максимовъ называется Максимовичемъ.

⁴⁾ Синод. арх. 1737. № 32, II; 1753. № 391, 793, № 460. Въ XIX в. среди владимирскаго духовенства попадаются фамиліи Альбиновичъ, Соболевичъ, Флоревичъ (В. В. Шереметевскій, Фамильныя прозвища великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX ст.—Рус. арх. 1908, 10, 274).

⁵⁾ Акты нижегородскаго печерскаго вознес. мон-ря, изд. А. А. Титовымъ. 1898. Ср. Л. Майковъ. Къ исторіи о началѣ русскихъ виршъ.—Библиографъ 1891. 117.

ныхъ дѣятелей по національности. Даже когда эти фамилии производились отъ календарныхъ именъ (Ильинскій, Антонскій), онѣ склонны вводиться въ заблужденіе, особенно если при этомъ имѣлась въ виду западнорусская форма имени (Юзефовскій). Еще легче спутаться, когда фамилія на *скій* произведена не отъ святого и не отъ села или города (Малмыжскій, Сызранскій), а отъ латинскихъ или библейскихъ, собственныхъ или нарицательныхъ именъ, даже прилагательныхъ. Любопытна въ этомъ отношеніи исторія съ извѣстнымъ проповѣдникомъ еп. Гедеономъ Криновскимъ. Онъ — казанецъ родомъ, но, судя по фамиліи, и ранѣе нѣкоторые ученые говорили объ его малороссійскомъ происхожденіи и теперь за это стоитъ кievскій профессоръ, прот. Ѳ. П. Титовъ. Къ сомнѣніямъ на счетъ происхожденія Криновскаго располагаетъ и то, что онъ имѣлъ и еще двѣ фамиліи (Рычковскій и Авриксельскій). И совсѣмъ уже можно спутаться, когда встрѣчаешься съ великороссами, получившими фамиліи въ честь извѣстныхъ святителей—западноруссовъ: Любарскій, Лопатинскій, Ясинскій, Кроковскій, Лещинскій, Вишневскій, Бужинскій, Тодорскій или даже польскихъ князей и графовъ: Потоцкій, Вишневецкій... Фамиліи на *скій* или *скій* такъ были милы западнорусскимъ педагогамъ, что они иногда прибавляли такое окончаніе къ уже имѣвшейся великорусской фамиліи. Такъ вятчѣ Щепинъ въ кievской академіи получилъ фамилію Щепинскаго. Но еще ранѣе Палладій Роговъ превратилъ себя въ Роговскаго, а царскій стольникъ Ѳ. Вл. Шиловъ, женившійся на дочери харьковскаго полковника Гр. Донца и перебравшійся на службу въ слободскую Украину, сталъ писаться „рукою власною“ Шидловскимъ... Стѣловательно, процессъ ассимиляціи фамильныхъ прозвищъ съ малороссійскими совершался не чрезъ школу только.

Если среди великороссовъ часты малороссійскія фамиліи, то было и наоборотъ,—попадались малороссы съ великороссійскими фамильными прозвищами. Фамиліи съ окончаніями *овъ* и *евъ*, въ большинствѣ патронимическаго, какъ и у великороссовъ, происхожденія ¹⁾, очень не рѣдки среди малороссовъ XVII и XVIII ст. Но еще чаще онѣ приобрѣтали такую форму въ устахъ и подъ перомъ москвичей. Въ документахъ, вышедшихъ изъ московскихъ канцелярій, извѣстные малороссійскіе дѣятели, еп. Меодій Филимоновичъ и прот. Сим. Адамовичъ не рѣдко называются Филимоновымъ и Адамовымъ. Иногда сами малороссы передѣлывали свои фамиліи на великорусскій ладъ: архим. Софроній Тернавіотъ сталъ писаться Тернолѣтовымъ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ обрусѣніе малороссійской фамиліи произошло чрезъ присоединеніе къ ней великорусской: архим. Іоаннией Святковскій—Звѣревъ, Каминскій—Парчицеловъ. Еще

¹⁾ Не отъ имени отца происходящихъ сравнительно немного: Коссовъ, Украинцовъ, Микляевъ... Микляевъ (тверской учитель)—сынъ выходца-западноруса Пв. Тимоѣева, получилъ эту фамилію въ Москвѣ отъ родного дяди по матери.

²⁾ На основѣ такого *перезода* фамиліи нѣкоторые считаютъ великороссомъ константинопольскаго посольскаго іеромонаха Константина Пожтанскаго или Неаполитанскаго (=Новгородскаго).⁴

легче передѣлывались фамиліи на великорусскій ладъ чрезъ присоединеніе окончанія *въ* (Савенко—Савенковъ) или *нъ* (Штепа—Штепнъ). Такимъ образомъ, фамильныя прозвища не только не помогаютъ, но иногда и затрудняютъ опредѣленіе національности того или другого церковнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе, что онѣ иногда мѣнялись ¹⁾).

Выясненію личности того или иного дѣятеля мѣшаетъ также частая смѣна именъ въ XVII—XVIII ст. Прокоповичъ, названный при постриженіи Самуиломъ, чрезъ три года превратился въ Теофана—въ честь своего дяди. Еще чаще монахи мѣняли свое новое имя при рукоположеніи въ іеродіаконы или іеромонахи. Монахъ Дамаскинъ Прилуцкій при посвященіи въ іеромонахи по желанію епископа Варл. Коссовскаго принимаетъ имя Героея, монахъ Сисой Шмигельскій дѣлается іеродіакономъ Симеономъ.

Наконецъ, не всегда служитъ вѣрнымъ показателемъ національности и языкъ, на которомъ написаны литературные труды того или иного дѣятеля. Литературный языкъ западнорусскихъ писателей XVII в., „бѣлорусскій“ или „литовскій“, по терминологіи москвичей, которой держатся и нѣкоторые позднѣйшіе ученые, даже современные, представлялъ смѣсь словъ бѣлорусскихъ, малорусскихъ и польскихъ и настолько отличался отъ великорусскаго, что требовались особые переводчики для перевода актовъ и литературныхъ произведеній. И лексика и даже синтаксисъ авторовъ западнорусскаго происхожденія всегда почти выдають ихъ національность. Но и литература западнорусская и тамошніе учителя, въ теченіе десятилѣтій преподававшіе въ великорусскихъ школахъ, выработали особый языкъ и у ихъ учениковъ—великороссовъ, языкъ съ сильной примѣсью южно-западнорусскихъ словъ и даже съ тамошней конструкціей рѣчи. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы склонны были одно время считать малороссомъ даже архіеп. Димитрія Сѣченова, тѣмъ болѣе, что сама фамилія его первоначально имѣла другой видъ: *Съченій*, а еще ранѣе онъ именовался *Стародубскимъ*...

Вообще трудно при наличности такихъ условій опредѣлить національность того или другого дѣятеля, когда нѣтъ твердыхъ указаній генеалогическихъ. Потому какъ нѣкоторые великороссы выдавались и выдаются за южнороссовъ (протопопы Андрей Савиновичъ благовѣщенскій, Михаилъ Роговъ и Іаковъ „черниговскіе“ (т. е. московскаго черниговскаго собора), старецъ Александръ Мезенець, м. Сильвестръ Холмскій (Волынецъ тожь), такъ и наоборотъ (напр. еп. Дамаскинъ Аскаронскаго причисляютъ къ великороссамъ). Можетъ быть и мы допускаемъ такую ошибку, считая западноруссомъ Іоасафа Хотунпевскаго, ректора московской академіи, камчатскаго миссіонера и кексгольмскаго епископа. Возможно, что най-

¹⁾ Извѣстный путешественникъ Вас. Григоровичъ назвался Барскимъ по городу Бару, иногда же назывался Кіевскимъ, иногда Бѣляевымъ, по гречески Плакою, по латыни Альбовымъ (Евгеній м., Словарь писателей дух. чина, I², 69). Впрочемъ, и въ XVII в. у малороссовъ бывало по нѣскольку прозвищъ на что обратили вниманіе московскіе чиновники, отмѣтившіе, что иные прозываются заразъ по отцу, по тестю, по тещѣ, по женѣ...

ныхъ дѣятелей по національности. Даже когда эти фамилии производились отъ календарныхъ именъ (Ильинскій, Антонскій), онѣ склонны вводить въ заблужденіе, особенно если при этомъ имѣлась въ виду западнорусская форма имени (Юзефовскій). Еще легче спутаться, когда фамилія на *скій* произведена не отъ святого и не отъ села или города (Малмыжскій, Сызранскій), а отъ латинскихъ или библейскихъ, собственныхъ или нарицательныхъ именъ, даже прилагательныхъ. Любопытна въ этомъ отношеніи исторія съ извѣстнымъ проповѣдникомъ еп. Гедеономъ Криновскимъ. Олѣ —казанецъ родомъ, но, судя по фамилии, и ранѣе нѣкоторые ученые говорили объ его малороссійскомъ происхожденіи и теперь за это стоитъ кievскій профессоръ, прот. Ѳ. П. Титовъ. Къ сомнѣніямъ на счетъ происхожденія Криновскаго располагаетъ и то, что онъ имѣлъ и еще двѣ фамилии (Рычковскій и Авриксельскій). И совсѣмъ уже можно спутаться, когда встрѣчаешься съ великороссами, получившими фамилии въ честь извѣстныхъ святителей—западноруссовъ: Любарскій, Лопатинскій, Ясинскій, Кроковскій, Лещинскій, Вишневскій, Бужинскій, Тодорскій или даже польскихъ князей и графовъ: Потоцкій, Вишневецкій.. Фамилии на *скій* или *скій* такъ были милы западнорусскимъ педагогамъ, что они иногда прибавляли такое окончаніе къ уже имѣвшейся великорусской фамилии. Такъ вятчѣ Щепинъ въ кievской академіи получилъ фамилію Щепицкаго. Но еще ранѣе Палладій Роговъ превратилъ себя въ Роговскаго, а царскій стольникъ Ѳ. Вл. Шиловъ, женившійся на дочери харьковскаго полковника Гр. Донца и перебравшійся на службу въ слободскую Украину, сталъ писаться „рукою власною“ Шидловскимъ... Слѣдовательно, процессъ ассимиляціи фамильныхъ прозвищъ съ малороссійскими совершался не чрезъ школу только.

Если среди великороссовъ часты малороссійскія фамилии, то было и наоборотъ,—попадались малороссы съ великороссійскими фамильными прозвищами. Фамилии съ окончаніями *овъ* и *евъ*, въ большинствѣ патронимическаго, какъ и у великороссовъ, происхожденія ¹⁾, очень не рѣдки среди малороссовъ XVII и XVIII ст. Но еще чаще онѣ приобрѣтали такую форму въ устахъ и подъ перомъ москвичей. Въ документахъ, вышедшихъ изъ московскихъ канцелярій, извѣстные малороссійскіе дѣятели, еп. Меодій Филимоновичъ и прот. Сим. Адамовичъ не рѣдко называются Филимоновымъ и Адамовымъ. Иногда сами малороссы передѣлывали свои фамилии на великорусскій ладъ: архим. Софроній Тернавіотъ сталъ писаться Тернолѣтовымъ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ обрусѣніе малороссійской фамилии произошло чрезъ присоединеніе къ ней великорусской: архим. Іоанниевій Святковскій—Звѣревъ, Каминскій—Парчигеловъ. Еще

¹⁾ Не отъ имени отца происходящихъ сравнительно немного: Коссовъ, Украинцовъ, Микляевъ... Микляевъ (тверской учитель)—сынъ выходца-западнорусса Пв. Тимоѣева, получилъ эту фамилію въ Москвѣ отъ родного дяди по матери.

²⁾ На основѣ такого *перевода* фамилии нѣкоторые считаютъ великороссомъ константинопольскаго посольскаго іеромонаха Константина Полатанскаго или Неаполитанскаго (=Новгородскаго).⁴